

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ТОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЙ ДОМ»
ФГАОУ ВО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ
КАФЕДРА МУЗЕОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАЛИТРЕ
ТОМСКОГО СЕВЕРА:
ПАРАБЕЛЬСКИЙ РАЙОН

Издательство Томского университета
2015

О.М. Рындина

ЮДОЛЬ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ ПАРАБЕЛИ*

Среди ёмких и образных старокнижных слов встречается и «юдоль», означающее долину, а в переносном смысле – место страданий и скорби. Юдолью для многих российских немцев в годы депортации стал Нарымский край, включавший в себя и Парабельский район. Сюда была направлена часть потока вторичного переселения, призванного, согласно постановлению Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 января 1942 г., обеспечить рабочими руками рыболовство и рыбоперерабатывающую отрасль Сибири. С этой целью из центральных районов Новосибирской области в Нарымский край переселялись 15 тысяч человек¹, из них в Парабельский район – 2 тысячи человек². Они и составили основу немецкой диаспоры, сформировавшейся на территории района. Сведения, полученные в ходе бесед с современными представителями диаспоры, и послужили основой для воссоздания процесса депортации и последующей адаптации этнотерриториальной группы к новым природно-климатическим, хозяйственным и социокультурным условиям.

Механизм депортации, предусмотренный постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 года «О переселении всех немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей в другие края и области», предполагал переселение целых колхозов, как компактных единиц населения, на новые места. Хотя реализовать задуманную схему не удалось, тем не менее при депортации учитывалось место проживания немцев в республике. По крайней мере, это подтверждают собранные экспедици-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

¹ Герман А.А. Депортация советских немцев из европейской части СССР // История и этнография немцев в Сибири. – Омск: Изд-во ОГИК музея, 2009. – С. 433.

² Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). – Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 582. – Л. 37.

онные материалы: если среди переселенцев в с. Александровское преобладают жители Кукукского кантона, то в Парабели – Красноярского. Чаще других здесь фигурирует название деревни Роледер указанного кантона, упоминаются также Раскатовка и Шефер. Изредка встречаются семьи, депортированные из городов, Энгельса и Бальцера.

О жизни в Поволжье сегодня сохранились скудные сведения, основанные главным образом на воспоминаниях родителей. В них доминируют идиллические настроения: жизнь в колхозах рисуется как «хорошая», «обеспеченная», «в достатке». Колхоз непременно характеризуется как «богатый», располагавший всем в изобилии: *«Поля имел большие, не было видать им конца и края. С них собирали много зерна, целые горы»*. Земля, как главный гарант достатка, в Поволжье такая, что на ней *«всё родилось на славу. Стоило только бросить семечко, как оно тотчас же выросло»*. Ответственная работа в таком колхозе расценивалась как неременная добродетель: *«Там никто без работы не сидел, все работали»*. Среди мужских профессий указаны кузнецы, столяры и плотники, сапожники, портные. Женщины также работали в колхозе, среди них встречались и представительницы редких по тем временам профессий и должностей, например бригадир тракторной бригады. Семейная память бережно хранит сведения о трудовых подвигах родственников в Поволжье: спасение колхозного стада свиней во время пожара и награждение за это орденом «Знак почёта», включение в делегацию для участия во Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства.

Поскольку родители много работали в колхозе, забота о домашнем хозяйстве, как правило небольшом, ложилась на плечи бабушек и дедушек. Они же воспитывали внуков. Семьи в Поволжье были большими, от четырёх детей и более, а нравы в них строгими: *«К родителям обращались исключительно на «Вы», с раннего возраста их (детей. – О.Р.) приобщали к работе, учили не воровать и не убивать»*. Большую роль играло религиозное воспитание: *«В семье все молились и приучали к этому детей»*. Их образование включало посещение не только светских, но и церковных школ. Даже в условиях секуляризации церковью сохранялась возможность проведения коллективных молитв, с этой целью собирались в культовых зданиях во внерабочее время. Языком внутрисемейного общения служил исключительно немецкий, и старшие поколения плохо понимали порусски. Нормой социального общежития служили хождения в гости

к родственникам, друзьям: *«Хоть жили и неблизко, но вечерами встречались, чтобы посидеть, поговорить»*. Существовала традиция выбора невест в соседних селениях, во многом обусловленная тем, что в одной деревне, особенно небольшой, основную часть населения составляли родственники.

В целом, образ жизни в Поволжье вобрал в себя исключительно положительные воспоминания. Боле того, они подверглись мифологизации, превратившей родной край в место покоя и благоденствия. Причиной произошедшей мифологизации стала необходимость в психологической адаптации к адским условиям депортации и выживания на новом месте. Механизмом психологической защиты для этноса и стало создание мифа о жизни в Поволжье, лишённой невзгод, тревог и волнений. Такая память о прежней жизни согревала душу и давала силы выстоять в суровом и безжалостном настоящем. По указанной причине в коллективной памяти оказались стёрты трагические страницы. Они, как исключение, проступают в индивидуальных воспоминаниях о *«тяжёлых годах, когда на Волге свирепствовал голод»*, о раскулачивании, разрушавшем семьи.

Гранью, расколовшей жизнь на две половины, стала весть о депортации, явившаяся для всех полной неожиданностью. Некоторые даже восприняли её как дезинформацию: *«Отец, услышав о документе, продолжал стайку строить: сначала не верил, что был издан такой указ»*. Постигшая народ беда воспринималась как катастрофа вселенского характера. На это указывают воспоминания о знамени, очевидцами которого стали жители деревни Роледер: *«Вся деревня видела знамение на небе – картину погрузки сотен людей в поезд, но в тот момент значения его не поняли»*.

Об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», узаконившем депортацию, узнавали из разных источников – газет, сообщений милиционеров, односельчан. Сведения о времени, предоставленном на сборы, разнятся: от 24 часов до нескольких дней, соответственно, и возможность подготовиться к дороге также различалась. Согласно постановлению Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 26 августа 1941 г., разрешалось брать с собой в дорогу личное имущество, мелкий сельскохозяйственный и бытовой инвентарь, продовольствие – всего не более 1 тонны. За оставленные дома и скот была обещана компенсация, однако лишь однажды была зафиксирована информация о выплате компенсации за скот.

Старались взять с собой в дорогу как можно больше еды, тем более что было разрешено заколоть по одной свинье. Спешно солили и коптили сало, сушили сухари, пекли выпечку. В сундуки и наскоро сколоченные ящики укладывали одежду и вещи: котлы, небольшие железные печки, прялки, швейные машинки, даже музыкальные инструменты. В ходе сборов рождались слухи о том, что *«вмешалось начальство и переселение отменили»*. Однако действительность не заставила себя долго ждать: прибыли «военные», начали оформлять документы, осматривать вещи, грузить на телеги или машины, отправлять на железнодорожные станции. Разъяснений по поводу того, куда, зачем и на какой срок вывозят, не давали. Слухи ходили самые разные. Трагизм расставания с родным домом подчёркивает повторяющийся образ ревущей скотины, почувствовавшей что-то неладное: *«Вечером, когда уезжали, подошло время дойки, и стоял страшный рёв скотины, а на всю деревню оставалась одна женщина. Она бегала от коровы к корове, не зная, что делать»*. Личностными символами расставания стали недозревшие в саду яблоки, ещё кислые, которых немного собрали в дорогу, спевшие на бахче арбузы, которые срывали уже по дороге на станцию.

Дальнейший путь предстоял по железной дороге, в «телячьих» вагонах, абсолютно не приспособленных для перевозки людей. Поскольку основная дорога – Транссиб – «была занята войной», везли окольным путём, через Казахстан. Везли долго, около полумесяца. На станциях поезд делал редкие и короткие остановки, во время которых люди старались набрать воды. Один раз в день полагалась горячая пища. От скученности, духоты и нехватки воды начали умирать старики и дети, родившиеся в дороге. Ни о какой медико-санитарной помощи речь в воспоминаниях не идёт. Чтобы не потеть друг друга, молодые люди выходили замуж, женились. По прибытии в Новосибирскую область переселенцев выгружали на станциях и развозили по колхозам.

Летом – осенью 1942 г. началась вторичная депортация – перемещение немцев внутри Сибирского региона. В Нарымский край депортированных доставляли на пароходах, и белый пароход стал для многих людей символом неволи, горечи и страданий. Пароход делал короткие остановки, причаливая к берегу. Случалось, что во время остановок на берегу оставались члены семьи, пытавшиеся раздобыть еду, и воссоединение происходило через некоторое время. В месте назначения на берег высаживали всех, женщин и детей.

Взрослых мужчин среди переселенцев практически не было, так как их к тому времени забрали в трудовую армию.

По постановлению Совнаркома и ЦК ВКП(б) определялся порядок обеспечения переселенцев работой, жильём, пищей, однако на местах жизнь плохо согласовывалась с положениями документа. Так, в августе 1942 г., т.е. ко времени прибытия переселенцев, Нарымский окружком ВКП(б) констатировал срыв мероприятий по хозяйственному устройству, обеспечению жильём и должным медицинским обслуживанием, снабжению продуктами «вселяемых в округ переселенцев» и постановил усилить работу в данном направлении. Принятые к исполнению меры включали в себя, во-первых, строительство домов «простейшего типа», чтобы к 25 ноября, т.е. наступлению зимы, полностью обеспечить жильём прибывших переселенцев. Во-вторых, максимально приблизить торговые сети к местам расселения «вновь прибывшего контингента» и увеличить завоз в округ продовольствия и промышленных товаров. В-третьих, обеспечить завоз необходимого количества медикаментов в районы округа¹. Как показывает собранный полевой материал, решение всех вышеизложенных проблем по существу было переложено на плечи самих депортированных.

Цель вторичной депортации в качестве основного занятия депортированного населения предполагала рыболовство и рыбообработку, однако они плохо согласовывались с хозяйственными навыками российских немцев, занимающихся земледелием, животноводством и ремёслами. Одна из немецких женщин заявила, что *«раньше рыбу в глаза не видела, не то чтобы ловить её»*. Ей ответили, что *«со временем научится»*. Рассогласованность хозяйственных занятий в местах исхода и депортации проявилась и в ментальной сфере – в формировании психологической установки на неприятие насаждаемых видов деятельности: *«Какие немцы рыбаки – в степи родились»*. В итоге в рыбной отрасли Парабели, судя по опросам, трудилось не так уж много депортированных. Вместе с тем работа на рыбозаводе давала, хотя и небольшой, но заработок, позволявший поддерживать семью. По этой причине немецкие девушки устраивались туда даже раньше положенного возраста, так как предприятие шло навстречу. По возможности рыбозавод предоставлял и жильё. Остались в рыбообрабатывающей промышленности единицы из пе-

¹ ЦДНИ ТО. Ф. 206. – Оп. 1. – Д. 582. – Л. 170–172.

реселенцев, научившись прекрасно разбираться во всех тонкостях сортировки и обработки рыбы.

Наиболее массовым занятием, прежде всего для немецких женщин, в годы Великой Отечественной войны стали лесозаготовки, на которых валили деревья с помощью ручной пилы, обрабатывали стволы, тянули брёвна в прямом смысле, «как лошади». Зимой работали по пояс в снегу, в межсезонье – мокрые насквозь. На заготовку леса отправляли и беременных женщин. Если роженицу не успевали доставить в больницу, то роды принимали на месте пожилые женщины. Дисциплина поддерживалась строго, и за опоздание на 5 минут могло последовать наказание, вплоть до порки вожжами. Сезонные работы немцев на лесозаготовках продолжались и 1950-е годы, но проходили уже в других условиях. На станах открывали клубы, в которых *«показывали кино и устраивали танцы. Девушки танцевали вальс и краковяк, а парни главным образом наблюдали, выслушивая избранниц... Молодые люди приходили в женский барак, за это начальник лесопункта... называл их “куриными петухами”. Тех парней, которые оказывались в бараках девушек после 12 часов ночи, гонял сторож-фронтовик и разбирал товарищеский суд, он мог назначить штраф в размере 50 руб.»*. Лесозаготовительные участки становились центрами знакомств, встреч и создания новых семейных пар.

В целом, немецкое население Парабели трудилось в разных сферах – разнорабочими, конюхами, кузнецами, трактористами, скотниками, доярками в колхозах, на шпалозаводе и кирпичном заводе, в сфере бытового и медицинского обслуживания, воспитания и образования. На протяжении трудовой жизни приходилось не раз менять и место, и род деятельности. Немецкие переселенцы брались за разную работу, но если брались, то выполняли её качественно, на совесть. В каждой немецкой семье хранятся благодарственные письма, грамоты, медали за добросовестный труд. Примечательно, что во время беседы хозяева о них сами никогда не вспоминают, считая награды производными от главного – ответственного отношения к делу.

Самой насущной заботой в первые годы жизни в Парабельском крае оставалось пропитание, тем более что переселенцам на новом, необходимом месте приходилось рассчитывать лишь на свои силы. На лесозаготовках полагался ежедневный хлебный паёк: 200–300 граммов хлеба на работающего и по 100 граммов на детей. Чтобы под-

держат ребятшек, матери отдавали им свою долю, а сами питались чем придётся. В колхозе на трудодни выдавали немного зерна, гороха, картошки, муки. На рыбзаводе выплачивали зарплату, но с учётом всех выплат оставалось 5–6 рублей, а ведро картошки стоило 300–350 рублей.

Для того чтобы не умереть с голоду и сохранить прежде всего детей, все привезённые из Поволжья скарб, одежда и утварь ушли в обмен на продукты питания. Расставались с самыми необходимыми для домашних занятий предметами, например швейными машинками. Измождённые на работе, истощённые от постоянного недоедания матери в свободное от работы время нанимались к местным жителям обрабатывать огороды, копать картошку, доить коров и в качестве платы за труд получали продукты. Дети становились няньками, ходили по дворам и просили подаяние. *«Из-за плохого знания русского языка и немецкого акцента... нередко прогоняли и называли «фашисткой», но встречались и такие, кто подавал хлеб, варёную или сырую картошку. Кто чаще подавал, к тем... чаще и ходила».* Весной перекапывали поля с картошкой, пытаясь найти в земле оттаявшие клубни, из которых пекли лепёшки. Ещё одним способом избежать голодной смерти стал активный сбор летом дикоросов, прежде всего лебеды и крапивы, и употребление их в пищу. Порой незнание особенностей местной флоры оборачивалось трагическими последствиями: гонимые голодом, мать с дочерью *«пошли в лес, собирали грибов, отварили их, съели и – умерли».*

Питание перестало быть первейшей жизненной заботой лишь после окончания войны. Возвращались из трудармии мужчины, семьи начали обзаводиться личным хозяйством. И хотя уплачивали за него значительные налоги, всё же на столе появилась нормальная пища – картошка, запечённая в русской печи с небольшим количеством молока, и хлеб. В Парабели картошка стала абсолютной доминантой на огороде и в пищевом рационе, принципиально изменив его по сравнению с традиционным поволжским. Эту перемену отметили сами носители немецкой культуры: в Поволжье *«разводили фруктовые сады, а вот картошку почти не сажали. Только раз в неделю готовили блюда из картошки, а в основном варили из фруктов супы, вареники с вишней и многое другое».*

Обменяв привезённую одежду на продукты питания и не имея возможности купить новую, немецкие женщины и дети ходили в чём придётся. Радостью становились платья, сшитые из старых списан-

ных простыней, «шахтёрские ботинки» с пришитыми к ним матерью голенищами из мешка: *«Ходить в них было очень хорошо, тепло, но приходилось плотно обматывать голенища, чтобы обувь не сваливалась»*. Из-за отсутствия зимней обуви нередко были случаи обморожения ног. Традиционная немецкая одежда осталась лишь в воспоминаниях: *«Бабушка всегда ходила дома в платье и фартуке и повсюду возила с собой узелок “на последний час” с новым ситцевым платьем»*. Запомнились и юбки, подбитые для объема ватой.

Для размещения переселенцев должны были быть построены, согласно партийным директивам, «простейшие дома», о которых никто из наших собеседников не вспомнил, очевидно, по той причине, что в Парабели и её окрестностях их просто не существовало. Основным видом первичного жилья стала «землянка» – символ адаптации к суровому Нарымскому краю. Опросы показали, что речь следует вести о полуземлянке, исходя из конструктивных особенностей строения. Оно представляло собой *«вырытую в земле яму, земляные стены укрепляли и над ними возводили дощатые стены, в которых имелось небольшое окошечко для прохождения света. На дощатые стены опиралась двускатная крыша, тоже из досок. Пол полуземлянки посыпали песком, на зиму старались его утеплить, стелили сено или солому. Внутреннее обустройство состояло из нар, на которых спали, подстилая солому или сено. Позже стали изготавливать своеобразные матрасы – мешки, набитые той же соломой или сеном. Солому в мешках приходилось часто менять, так как она быстро сбивалась. К незатейливым атрибутам мебели относились скамейки, сделанные своими руками»*. Зимой окна затягивали «бычьим пузырём». Сооружались полуземлянки преимущественно женскими и детскими руками, как правило, на несколько семей.

Первым пристанищем переселенцев также становились бараки с общей железной печкой и тонкими перегородками, часто в виде занавесок, между семейными помещениями. В бараках заводили знакомства, иногда заканчивавшиеся женитьбой, т.е. переходом за другую перегородку. Размещали по прибытии в клубах, коровниках, которые вычищали сами переселенцы и устанавливали в них «жестянки» – железные печки. Подселяли и в русские семьи. Как правило, о них немцы вспоминают с чувством благодарности: первоначальное недоверие и даже враждебность, ведь шёл второй год войны и с фронта приходили похоронки, сменялись со временем осознани-

ем общей беды и общего врага. Переселение в 24-квартирные бараки с коридорной системой и отдельными комнатами для семей казалось чудом. Это было уже «цивилизированное жильё».

Некоторым семьям через год-два давали дом, но чаще им обзаводились, когда из трудармии возвращались главы семей. С помощью родственников сооружали срубное однокамерное жилище, состоявшее из комнаты и кухни. *«Мебели было немного: скамейка, стол, своеобразная вешалка из прибитой к стене палки с гвоздями для одежды, прикрытой занавеской. Позже в квартире появилась деревянная кровать с настилом из досок. Кровать украшали наволочки и свесы с кружевной отделкой, выглядывавшие из-под покрывала. Постельные принадлежности накрахмаливали»*. На окна вешали занавески из накрахмаленной марли. В 1950-е гг. переселялись в более просторные дома, которые состояли уже из двух комнат, построенные своими руками. В 1970-е гг. активизировалось жилищное строительство на селе, в массовом порядке начали возводить двухквартирные дома с приусадебными постройками, в которые и переселились все немецкие семьи в Парабели.

В настоящее время в селе сохранился лишь один дом, построенный Иваном Христиановичем Шмидтом в 1954 г. Он срублен из «кедра или ёлки», с ним соединены срубные сени с крыльцом под односкатной крышей. Четырёхскатная крыша крыта шифером. Внутренняя планировка состоит из двух спален, зала, кухни и коридора. Параллельно дому, в ряд, расположены две стайки, в которых раньше держали коров с телятами. На приусадебном участке стоят старая и новая срубные бани, а также дощатый «кильдым» – сарай.

Немаловажную роль в процессе адаптации к новым условиям, идёт ли речь об отдельном человеке или группе народа, играет психологический фактор. Налаживанию отношений переселенцев с местным населением препятствовало незнание или плохое знание русского языка. Дети оказались намного пластичнее в языковом отношении и постепенно переходили на русский язык, общаясь на нём со своими местными сверстниками. Хотя и бились с ними смертным боем за обидное прозвище «фашист», но всё же играли вместе. Ускоряло процесс окончательного перехода на русский язык резкое сокращение сферы общения с родителями: *«Когда родители уходили на работу, дети ещё спали, а когда возвращались – они уже спали, поэтому общение со взрослыми было минимальным»*. В результате немецкий язык для молодых поколений депортированных

немцев превращался в культурный реликт, и сегодня уровень владения им ограничивается, как правило, знанием отдельных слов и выражений, хотя встречаются и носители диалектного варианта немецкого языка.

Несмотря на активное размывание немецкой культуры, исчезновение многих традиций на бытовом уровне, в немецких семьях сохранялись нравственные устои предыдущих поколений. Это касается прежде всего глубокой религиозности. Переселенцы принадлежали к лютеранскому или католическому вероисповеданию. С собой женщины привезли молитвенные книги на немецком языке, нередко напечатанные готическим шрифтом. И в Парабели обязательной стала молитва как минимум перед едой и после неё. Молитвы заучивали на родном языке и дети. Невозможность окрестить детей в веру родителей стала для них тяжёлым моральным бременем. Компромисс между верой и конфессиональными традициями был решён в пользу первой: крестить стали по православному обряду. Сомнения дочери по этому поводу мать разрешила так: *«Какая разница, какая вера, ведь Бог-то один, не задумывайся и крестись»*.

Незыблемыми и в Парабельском крае оказались каноны семейного общения, и прежде всего уважение к старшим. К родителям обращались на «Вы», и в присутствии взрослых дети старались не проявлять себя. *«Когда старшие сидели с гостями за столом, нельзя было крутиться вокруг, иначе потом “уши будут, как фари”»*. В тяжелейших условиях пробивалось стремление детей к учёбе даже ценой здоровья. *«Екатерина очень хотела учиться. Она бегала в школу в ботинках на босу ногу даже в 40-градусный мороз. Мать просила не пускать её в школу, чтобы дочь не отморозила ноги»*. Прививалась в семье и чистоплотность. Постели и печи уделялось особое внимание: они всегда должны были быть чистыми. По субботам непременно убирали не только в доме, но и мели улицу напротив него. Родители становились для детей примером рачительности, реализуя в домашнем хозяйстве принцип безотходной технологии, когда «всё пускалось в дело».

Самым стойким этническим маркером традиционной немецкой культуры оказалась пища. Как только появилась возможность, она вновь стала востребованной. У каждой семьи обнаруживаются свои гастрономические предпочтения, но существуют и общенациональные блюда немецкой кухни.

К ним относятся прежде всего мучные блюда. Среди них на первом месте стоит пирог с посыпкой – «ривелькухе». Сейчас его пекут с вареньем и джемом. Часто готовили и «кребли» – перевитые полоски из теста, обжаренные в масле. И сегодня популярен «нудель-суп» – куриный суп с лапшой домашнего приготовления. Зафиксированы различные варианты приготовления «штруделя»: кусочки рулета тушатся вместе с сухофруктами или с картошкой и морковью. Подают блюдо со сметаной. Особое пристрастие российских немцев к рулетам отметили сами хозяйки: *мама «утром часто потолчёт картошку, добавит яйцо, муку, выкатает всё, свернёт в рулет, нарежет и обжарит на масле. Получался такой вкусный завтрак»*. Подавали на стол и треугольные вареники с творогом. К ежедневным блюдам относились «галушки с картошкой»: *«Крошили картошку в кастрюлю с водой, солили. Замешивали на воде с содой густое тесто, затем отделяли от него кусочки-галушки ложкой и опускали в воду с кипящей картошкой. Когда всё сварится, воду сливали и выкладывали на сковороду с предварительно поджаренным на масле луком. Это блюдо стало любимым для всей многонациональной колхозной бригады»* на лесозаготовительном стане.

Помимо мучных блюд, российские немцы Парабели отдавали предпочтение и капусте. На зиму её квасили в бочках. На служила начинкой для пирогов. Из неё готовили популярное блюдо, которое называли по-разному – «краутен» и «крикельте». Это тушённая с мясом капуста, поверх которой при приготовлении кладут кусочки рулета.

К мясным блюдам немецкой кухни отнесены колбасы домашнего приготовления. Их начинали ливером или мясным фаршем с помощью особого приспособления – трубки, прикрепляемой к мясорубке. Колбасы отваривали, коптили, томили в русской печке. Сохранился рецепт приготовления сала по-немецки: его *«неделю выдерживали в рассоле. На железные листы клали палочки, на них – сало и ставили томиться в русскую печь»*. Своеобразно блюдо из брюшины. Готовили его так: *«Кусочки мяса солили, перчили, раскладывали на листе теста и, обернув им, ставили томиться в русскую печь. Когда блюдо было готово, тесто отдавали скотине, а мясо в холодном виде на блюде подавали на стол»*.

Обрядовая сфера немецкой культуры оказалась серьёзно выхолощенной в условиях военного времени и послевоенной атеистической государственной политики. Всё же она сохранилась, сфокуси-

ровавшись вокруг двух праздников – Рождества и Пасхи. Главным праздником и по сей день считается Рождество – «святой праздник». Подготовку к нему начинали заранее, с 23–24 декабря: убирали в доме, ставили ёлку даже во время войны. Вечером 24 декабря, в канун праздника, к детям являлись два традиционных персонажа – Крискинди и Пельцникель. Хотя их имена расплылись в памяти наших собеседников: первая ассоциируется с небесным ангелом, а второй – с Йогель-Могелем или Санта-Клаусом, функции персонажей проступают вполне отчётливо. Крискинди в белом одеянии и белой фате, скрывающей лицо, дарит подарки послушным детям, а Йогель-Могель в вывернутой шубе и козлиной маске, с рогами, наказывает непослушных.

Рождество и Новый год сливались в один праздничный цикл, во время которого было принято славить, или колядовать. Мальчики и девочки (детям постарше стыдно было заниматься этим) ходили группой или поодиночке по домам и по-немецки декламировали специальные стихи-благопожелания. В качестве ответного подарка они получали выпечку, которую складывали в специальную сумку. Хозяйки накануне пекли фигурное печенье в виде куколок и выкладывали его на белое полотенце, постеленное на кровати. На рождественский и новогодний столы старались поставить «ривелькухе» и блюдо из тушёной капусты.

Пасха особенно памятна детям: им клали подарки в рукавицы, повешенные возле печки, или шапки, оставленные под кроватью. В качестве слабого намёка на пасхального кролика, приносящего подарки, в воспоминаниях фигурируют овечьи «ядрышки», разбросанные на полу возле рукавиц и шапок как материальные следы его присутствия. В послевоенное время возобновилась традиция красить яйца и печь пасху.

Из семейной обрядности только свадебная обнаруживает черты этнической специфики. В военное и послевоенное время свадьбы либо не праздновали совсем, либо они сводились в сверхскромному застолью. Примерно с конца 1950-х гг. их начинают устраивать с немецкими нюансами. К ним можно отнести прежде всего детали наряда жениха и невесты. Для невесты желателен пышный венок из бумажных цветов, обработанных воском. Секрет его изготовления был известен некоторым женщинам. Венки, сделанные ими, превращались в семейные реликвии: «*Выходить замуж в этом венке стало семейной традицией*». Дополнением к венку служила длинная

фата. Костюм жениха украшала длинная лента, завязанная бантом. Свадебное застолье предполагало немецкие блюда. Браки старались заключать с представителями своего народа, но нередко наблюдались и отступления от этого правила.

Решив на парабельской земле главную задачу – выжить, сбереечь детей, – немецкие переселенцы сохранили, пусть и в значительно усечённом варианте, свою этническую культуру. Адаптация к новым условиям проходила мучительно, и у первых поколений так и не завершилась полностью. Им не удалось примириться с Нарымским краем психологически. Образно это неразорванное состояние с прошлым рисует пронзительная картина, воссозданная одним из наших собеседников. *«Когда пароход, завершая навигацию, уходил из Парабели в последний рейс, то на прощание он давал длинный гудок. Немецкие женщины выстраивались на берегу и, провожая его, рыдали назврьд, ежегодно ощущая безысходность разрыва с большой землёй и малой родиной – Поволжьём».* Последующие поколения российских немцев, родившиеся уже на парабельской земле, именно её считают наилучшей: *«Такая красота вокруг – лес, река, и всё есть: ягоды, грибы, рыба, звери. Идёшь по посёлку – тебя все знают, говорят: «Здравствуйте!», улыбаются. И жить радостно».* Новые поколения российских немцев вписали в историю Парабельского района немало славных страниц, но это тема уже другой статьи.